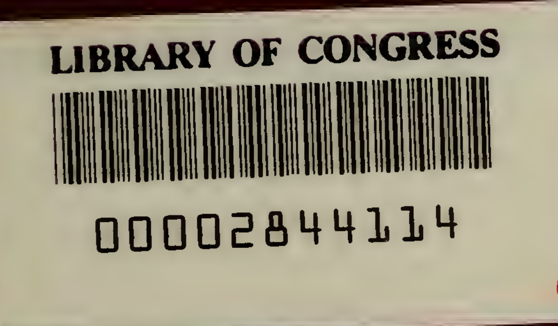

LIBRARY OF CONGRESS
00002844114

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Zaverbovannyĭ gusar.

ЗАВЕРБОВАННЫЙ ГУСАРЪ,

или,

НАГРАДА СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ,

Оригинальная драма въ двухъ дѣйствіяхъ.

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Маломъ театрѣ, въ пользу актера Г-на Боброва, Ноября 12 дня 1817 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Императорскаго Театра,
1817 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Славоновъ, Гусарской Полковникъ - - - - Г. *Бобровъ.*
Старовоевъ, Гусарской Вахмистръ - - - - Г. *Толченовъ.*
Штейнгерцъ, купецъ и содержатель постоялаго дома - - - - - Г. *Пономаревъ.*
Луиза, почитаемая его дочерью - - - - - Г-жа *Брянская.*
Вальштейнъ, Дворянинъ Г. *Каменогорскій.*
Фрицъ, сынъ его - - - Г. *Булатовъ.*
Рубакинъ, Гусаръ - - - Г. *Боченковъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городовъ Лифляндской губерніи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ убранную комнату въ постояломъ домѣ, принадлежащемъ Штейнгерцу. — Утро.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Луиза, *сидя возлѣ стола, на которомъ поставлена чернильница и лежатъ книги и бумаги — занимается рукодѣліемъ.*

Отъ чего мнѣ сего дня такъ скучно? — Какое непонятное волненіе чувствъ! — Вздохи, предвѣстники горести, невольно вырываются изъ стѣсненной груди моей!... Чтобы это значило? (*По нѣкоторомъ молчаніи*). Вальштейнъ, почтенный Вальштейнъ! вѣрно ты тому причиной! — Ежелибъ ты зналъ, какъ о тебѣ сожалѣю. — Несчастные всѣ близки моему сердцу: въ тебѣ принимаю какое-то особенное участіе. — Ты такъ добръ! (*Со вздохомъ*). Такъ жестоко гонимъ судьбой! — Ты отецъ милаго Фрица!... Могуль не любить тебя? — Уже ли батюшка исполнитъ жестокое свое намѣреніе? —

Быть не можетъ! За пять сотъ рублей, должныхъ за наемъ квартиры, посадить въ тюрьму честнаго человѣка! Это ужасно! — Батюшка! не могу повѣрить, чтобъ ты, давши мнѣ такія чувства, могъ быть самъ столь жестокъ! — Нѣтъ! — не могу этому вѣрить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЛУИЗА и ФРИЦЪ.

Фрицъ вбѣгаетъ въ комнату съ отчаяннымъ видомъ; Луиза спѣшитъ къ нему на встрѣчу.

ФРИЦЪ.

Все свершилось!....

ЛУИЗА.

Что такое?... Говори!

ФРИЦЪ.

Бѣдный отецъ мой! (*Плачетъ*). Луиза! злоба родителя твоего торжествуетъ!

ЛУИЗА.

Мой отецъ?....

ФРИЦЪ.

Исполнилъ жестокой свой приговоръ!

ЛУИЗА.

Возможно ли! и я этаго еще не знала!

ФРИЦЪ.

Нѣсколько часовъ тому назадъ, поч-

теннаго старика немилосердые повлекли въ темницу, какъ преступника. — Я теперь оттуда. Былъ въ жилищѣ, устроенномъ для однихъ злодѣевъ, и видѣлъ тамъ стенящую добродѣтель!... И кто, о ужасная мысль! причиною моего несчастія?... Отецъ той, которую обожаю. — Такъ! эта мысль еще болѣе меня терзаетъ!

Луиза, *въ слезахъ.*

Прости его, любезный Фрицъ! прости для дочери! Заклинаю тебя именемъ нашей дружбы. — Успокойся! Три ночи неусыпно занималась я рукодѣліемъ. Вѣрная моя служанка продала уже часть кружевъ; впередъ буду также прилѣжна; надѣюсь, черезъ мѣсяцъ соберу достаточную сумму для заплаты долга. О какъ буду тогда счастлива!....

Фрицъ, *со вздохомъ.*

Черезъ мѣсяцъ! *(Къ Луизѣ).* Добрая дѣвушка! чѣмъ могу доказать, сколько тебѣ признателенъ! Ты не щадишь себя, не щадишь здоровья....

Луиза, *съ улыбкою, понизя голосъ.*

Когда будешь моимъ мужемъ, заплатишь мнѣ вѣрностію, любовью и постоянствомъ.

*

Фрицъ.

Твоимъ мужемъ, *Луиза*? — Обманчивая мечта! Не осмѣливаюсь и заниматься ею. Согласится ли твой отецъ, чтобъ ты была женою того, кто кромѣ благородныхъ правилъ и честнаго имени не получитъ ничего въ наслѣдство? Да и время ли теперь помышлять о томъ. — Я оббѣгалъ весь городъ; былъ у всѣхъ знакомыхъ; у тѣхъ, которые удостоиваютъ меня своимъ высокимъ покровительствомъ, у тѣхъ, которые называются моими друзьями; — напрасно! — По обыкновенію всѣ жалѣютъ обо мнѣ, объ участи батюшки; но помочь, подъ разными предлогами, всѣ отказываются. Искуствомъ своимъ не надѣюсь скоро выручить должную батюшкой сумму. Въ здѣшнемъ городѣ мало любителей музыки; но что всего хуже, мало любителей дѣлать добро. Къ несчастію, ихъ вездѣ не много! Пойду еще къ одному человѣку; — ежели онъ откажетъ, тогда!... тогда не знаю на что рѣшусь!

Поспѣшно уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Луиза, *одна.*

Не оставь его, небесное Провидѣніе! — Пойду къ батюшкѣ; брошусь къ ногамъ его! Ужели онъ не тронется слезами дочери?.... Да вотъ и самъ сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Луиза и Штейнгерцъ.

Штейнгерцъ.

Такъ, сударыня! вмѣсто того, чтобъ заниматься внутреннею и внѣшнею экономіею, здѣсь сами съ собою бесѣдовать изволите! Слушай Луиза! не выведи меня изъ терпѣнія! — Ты думаю знаешь, у насъ новый постоялецъ: Полковникъ, вербующій Гусарскій полкъ. Я пригласилъ его къ обѣду. — Пошла! смотри прилѣжно, чтобъ ни въ чемъ не было недостатка; чтобы все обошлось дешево! — Насъ будетъ за столомъ человѣкъ десять; кушанья приготовить, — для пяти, и то съ бережливою бережливостію, слышишь ли? Но впрочемъ, что бы все было хорошо и благопристойно; что бы все казалось въ изобиліи; — понимаешь ли меня?

Луиза, *съ вздохомъ.*

Понимаю, батюшка!

Штейнгерцъ, *смотря на нее съ прилѣжаніемъ.*

Что это значитъ! ты, какъ вижу плакала? — Конечно опять читала какой нибудь новый, трогательный романъ? или повѣса Фрицъ разтрогалъ нѣжныя чувства твои звуками своей флейты, которую скоро прикажу бросить въ огонь.

Луиза.

Я не очень здорова.

Штейнгерцъ.

Весьма не кстати для сегоднишняго дня!

Луиза, *трепещущимъ голосомъ.*

Батюшка!.... Не вижу Вальштейна!.... Гдѣ онъ?....

Штейнгерцъ.

Въ добромъ мѣстѣ, гдѣ ни квартира, ни содержаніе ничего не стоятъ.

Луиза.

Батюшка! ради самаго человѣчества, умилосердитесь! — Троньтесь горестнымъ положеніемъ почтеннаго старика! — Все преступленіе его въ томъ, что бѣденъ! — *(Бросается къ ногамъ его).* У ногъ вашихъ прошу освободите его!

Штейнгерцъ.

Такъ тебѣ ужъ донесли?

Л у и з а.

Освободите скорѣе! небо благословитъ васъ?

Штейнгерцъ, *подымая ее.*

Я и безъ того пользуюсь небеснымъ благословеніемъ. Дѣла мои идутъ наилучшимъ образомъ: корабли изъ-за моря плывутъ благополучно; товары сбываю по какой хочу цѣнѣ; обороты самыя успѣшные; должники мои аккуратны въ платежѣ; а неисправныхъ исправляю тѣмъ же средствомъ, какъ Вальштейна. Чего же болѣе желать?

Л у и з а.

Не забудьте, давно ли вы сами были не богаты. Благодарите Провидѣніе; оно вывело васъ изъ бѣдственнаго положенія. Страшитесь оскорбить справедливость Его угнѣтѣніемъ бѣдности! — Батюшка! лучше соглашусь поддерживать жизнь кускомъ черстваго хлѣба, неомоченнаго слезою несчастнаго, нежели жить въ изобиліи и безпрестанно представлять воображенію блѣдныя, отчаянныя лица, заключенныхъ въ темницѣ, умирающихъ, можетъ быть въ сію минуту отъ горести и голода, и быть тому виною! (*Бросается*

опять къ ногамъ его). Еще время, спасите бѣднаго старика отъ смерти!

Штейнгерцъ, *отталкиваетъ отъ себя Луизу, которая падаетъ на землю.*

Недостойная дочь! — Съ сей минуты теряешь всѣ права на мою любовь!....

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Луиза, Штейнгерцъ, Славоновъ и Старовоевъ, *Луиза поспѣшно встаетъ.*

Славоновъ.

Что у васъ такое, Господинъ Штейнгерцъ? Вы меня извините: шумъ, который здѣсь слышалъ, заставилъ посѣтить васъ прежде времени.

Штейнгерцъ, *дѣлая нѣсколько низкихъ поклоновъ Славонову.*

Ничего, Милостивый Государь! Съ дочерью *(Показывая на Луизу).* сдѣлались истерики. *(Со вздохомъ).* Къ несчастію бѣдняжка часто отъ нихъ страждетъ. — Готовъ бы всемъ для нее жертвовать; но гдѣ взять искуснаго врача? Ихъ такъ мало!

Славоновъ.

Искренно жалѣю о ея положеніи. Такъ

эта прекрасная дѣвушка дочь ваша? *Смотритъ на нее съ большимъ вниманіемъ.*

Штейнгерцъ.

Такъ точно, Милостивый Государь! Отрада дней моихъ! (*Кланяясь ему*). Простите моей неучтивости: позвольте оставить васъ на нѣсколько минутъ; тотчасъ явлюсь къ услугамъ вашимъ. Пойдемъ, милая Луиза, въ твою комнату; пойдемъ, другъ мой!

Славоновъ.

Буду васъ ожидать.

Штейнгерцъ ведетъ Луизу за руку и уходитъ съ нею.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Славоновъ и Старовоевъ.

Славоновъ.

Мнѣ кажется, Старовоевъ, не болѣзнь этой дѣвушки, что нибудь другое причиною слышаннаго нами шума.

Старовоевъ.

Какая, сударь, болѣзнь, пустое! Служители здѣшняго дома, которые по обыкновенію не любятъ скрывать пороковъ господъ своихъ, успѣли уже пересказать мнѣ, что Штейнгерцъ злой, самый злой чело-

вѣкъ. — Для него, кромѣ денегъ, нѣтъ ничего святаго. Это дурно; очень дурно! — Признательно сказать, Ваше Высокоблагородіе, прежде нежели будемъ колотить бусурмановъ, хотѣлось бы мнѣ добрымъ порядкомъ... *(Махая своею тростью)* проучить этого удальца.

Славоновъ.

Жалѣю объ участи его дочери! Такъ мила! — Какую-то неизъяснимую пріятность нашелъ я съ перваго взгляда въ чертахъ лица ея! — Непонятное чувство влечетъ къ ней!... *(По нѣкоторомъ молчаніи)*. Ну что, Старовоевъ, не явились ли охотники надѣть киверъ и саблю?

Старовоевъ.

Человѣкъ двадцать запускаютъ усы, и грянули шпорами. *Развертывая тетрадь показываетъ ее Славонову, который разсмотрѣвъ, кладетъ себѣ въ карманъ.*

Славоновъ.

Съ завтрашняго дня приступимъ къ дѣлу, какъ должно; сегодни ожидаю отъ тебя другой, важной для меня услуги.

Старовоевъ.

Извольте приказать.

Славоновъ, *съ чувствомъ.*

Ежелибъ ты могъ читать теперь въ

моемъ сердцѣ!.... Ежелибъ могъ чувствовать, что въ немъ происходитъ! При самомъ вступленіи въ здѣшній городъ, жестокая, давно закрытая рана, опять разтворилась съ новою жесточайшею болью!

СТАРОВОЕВЪ.

Ахъ, сударь! за чемъ прежде не сказали? Сей же часъ бѣгу за лѣкаремъ.

Хочетъ уйти.

СЛАВОНОВЪ, *удерживая его.*

Другъ мой! эта рана сердечная, рана неизлѣчимая! Добрый старый Гусаръ! ты холостъ; всю жизнь провелъ въ полѣ, въ сраженіяхъ, на штурмахъ; для тебя непонятны чувства любви; не можешь раздѣлить моей горести. *Плачетъ.*

СТАРОВОЕВЪ.

Вы плачете! — Не довольно ли этаго для меня? — Ваше Высокоблагородіе! уже ли не знаете лучше каждаго: Руской солдатъ бываетъ страшенъ лишь врагамъ, да и тѣхъ заставляетъ себя любить! за Царя, за отчизну поставляетъ желѣзную грудь; но горесть несчастнаго раздѣлить умѣетъ, и первый, какъ бы на батерею, летитъ къ нему на помощь!

СЛАВОНОВЪ.

Какъ лестно вспоминать время, въ

радости нами проведенное. (*Со вздохомъ*). Оно не возвратно! (*Къ Старовоеву*). Двадцать лѣтъ тому назадъ, полкъ нашъ квартировалъ въ Полтавѣ. Я имѣлъ случай познакомиться съ пріѣзжимъ туда за дѣлами дворяниномъ. Имя его Германъ. Бѣдный, но честный человѣкъ. — Былъ вхожъ въ домъ его, или лучше сказать каждый день проводили вмѣстѣ. — Юлія дочь его, дѣвица 17 лѣтъ, ангелъ красоты и кротости, влила въ душу мою не извѣстное еще мнѣ тогда чувство! Видѣть ее каждый часъ, каждую минуту, сдѣлалось потребностію моего сердца. — Милая эта дѣвушка раздѣляла мои чувствованія. Наконецъ, мы поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности. — Боже! какъ я любилъ ее! какъ былъ любимъ ею, и какъ былъ тогда счастливъ! (*Плачетъ*). Теките слезы!.. Давно, давно не проливалъ васъ съ такимъ чувствомъ! — Отецъ ея, по видимому, ни мало не противился нашей страсти, и я имѣлъ лестную надежду, что онъ соединитъ насъ, когда ему сдѣлаю о томъ предложеніе; но мнѣ необходимо нужно было прежде привести въ порядокъ дѣла, и это требовало нѣсколько времени. Внезапно Германъ объявилъ мнѣ, что по обстоятель-

ствамъ, принужденъ былъ въ самой скорости ѣхать изъ Полтавы. Можешь представить себѣ, любезный товарищъ, какъ громовымъ ударомъ былъ я пораженъ! — Приспѣла минута разлуки! О сколь была она горестна! Тайное предчувствіе говорило, что вижу Юлію въ послѣдній разъ.

Старовоевъ.

Почему же послѣ не отпросились въ отпускъ?

Славоновъ.

Въ то время ожидали войны, и полкъ нашъ скоро послѣ того пошелъ въ походъ. Ты знаешь, когда дѣло идетъ о защитѣ Государства, тогда въ сердцѣ Русскаго чувство любви къ отечеству превозмогаетъ всѣ другія. — Нѣсколько времени получалъ я письма отъ моей Юліи; напослѣдокъ лишенъ былъ и сей отрады; да и самъ рѣдко имѣлъ случай писать. Потомъ спустя нѣсколько, узнаю, — о! горестное воспоминаніе! — что Юлія выдана здѣсь замужъ за Графа Д'Ольбана!... Съ тѣхъ поръ, надежда быть когда либо счастливымъ, изчезла въ душѣ моей!

Старовоевъ.

Позвольте вамъ донесть, Ваше Высокоблагородіе, вы, кажется мнѣ, сами не

правы, что не открыли намѣренія своего отцу ея, при отъѣздѣ его изъ Полтавы.

Славоновъ.

Чувствую, жестоко чувствую свою ошибку! Но въ молодости часто дѣлаемъ такія погрѣшности, за которыя не рѣдко разкаяваемся во всю жизнь; при томъ былъ я увѣренъ въ добромъ расположеніи ко мнѣ отца ея и въ любви Юліи.

Старовоевъ.

И то правда. Знаете ли что, Ваше Высокоблагородіе? по моему мнѣнію, когда союзники измѣняютъ, тогда должно ихъ презирать.

Славоновъ.

Мнѣ презирать!... Нѣтъ, Старовоевъ, это чувство далеко было отъ души моей! Всегда почиталъ Германа: не преставалъ также горячо любить Юлію...! *(Со вздохомъ).* и вѣчно любить буду! — Винилъ самаго себя. — Я тогда былъ бѣденъ; Германъ также; Д'Ольбанъ владѣлъ знатными помѣстьями. Соединя съ нимъ дочь свою, Германъ конечно надѣялся сдѣлать ее счастливою.

Старовоевъ.

По крайней мѣрѣ супружество ихъ было ли согласно?

Славоновъ.

Напротивъ; и сія вѣсть довершила мое злополучіе. Юлія, какъ я узналъ, долго противилась волѣ отца своего; и чего никогда не прощу ей, забывъ долгъ дочери, осмѣлилась даже оказывать ему дерзости, такъ что раздоръ ихъ, продолжавшійся нѣсколько времени, сдѣлался было всѣмъ извѣстнымъ; наконецъ вышла она замужъ за Графа Д'Ольбана. — Горе дѣтямъ, которыя хотя на одну минуту забываютъ должное уваженіе къ даровавшимъ имъ жизнь!

Старовоевъ.

Причинять горести отцу и матери!... статное ли это дѣло! (*Съ чувствомъ*). Родные мои! для чего нѣтъ васъ со мною?... Какъ бы васъ лелѣилъ! на рукахъ носилъ! покоилъ бы вашу старость. — Давно, давно вы въ сырой землѣ; но здѣсь, здѣсь... (*Ударяя по сердцу*) никогда не умрете!

Утирая слезы.

Славоновъ.

Несчастная Юлія была жестоко наказана! Графъ Д'Ольбанъ не имѣлъ довольно времени узнать всѣхъ ея достоинствъ; а можетъ быть и не умѣлъ ихъ цѣнить. Плѣнившись ею съ перваго взгляда, рѣ-

шился на ней жениться. — О сколь жалокъ молодой человѣкъ, когда влечетъ его единственно безразсудная страсть къ той, которая должна раздѣлять всѣ минуты его жизни! Любовь, безъ почтенія, скоро проходитъ; холодность и даже ненависть заступаютъ мѣсто! Что и случилось съ Д'Ольбаномъ.

Старовоевъ.

Уже ли покинулъ онъ жену?

Славоновъ.

Спустя два года послѣ свадьбы, отправившись съ нею въ Германію, предался тамъ развратной жизни. Въ теченіи короткаго времени истощилъ не токмо все свое, но и послѣднее жены своей имущество. Наконецъ внезапно скрылся, оставя ее съ дочерью, младенцемъ одного года, въ самомъ горестномъ положеніи. Въ послѣдствіи узнали, что онъ лишился жизни на поединкѣ.

Старовоевъ.

А отецъ ее?

Славоновъ.

Между тѣмъ скончался въ разлукѣ съ дочерью, не имѣвъ послѣдняго утѣшенія, дабы она закрыла ему глаза.

Старовоевъ.

Что же съ нею сдѣлалось?

Славоновъ.

Нашедъ случай, прибыла сюда, надѣясь прибѣгнуть къ помощи родственниковъ. Несчастія, мой другъ, преслѣдуютъ человѣка одно за другимъ: родственниковъ своихъ она здѣсь уже не нашла. Знакомые, такъ называемые друзья, которые нѣкогда, — подъ видомъ пріязни, съ утра до ночи веселились въ ея домѣ, болѣе не узнавали ее; словомъ, съ нею случилось то, что бываетъ со всѣми впадшими въ злополучіе. — Юлія не могла долго переносить горестной своей участи: преждевременная смерть, единственное благо несчастныхъ, прекратила ея мученія.

Старовоевъ.

Несчастная! — А куда дѣвалась дочь ея?

Славоновъ.

Бывшая у нее кормилица, жена Кенигсбергскаго мѣщанина, изъ состраданія къ этому бѣдному младенцу, взяла ее къ себѣ вмѣсто дочери, и сколько могъ я узнать, увезла съ собою въ Кенигсбергъ. — Старовоевъ! я далъ клятву отыскать ее, и заступить мѣсто отца. Обязанности

службы, безпрерывные походы, признаюсь тебѣ, и вѣтренность, свойственная молодости, лишили меня до нынѣ сей радости. *(Со вздохомъ.)* Здѣсь все напоминаетъ мою клятву; я почту себя тогда лишь нѣсколько счастливымъ, когда ее исполню. — Любезный товарищь! помоги мнѣ; — постарайся всѣми средствами развѣдать сего же дня объ участи дочери моей возлюбленной; постарайся узнать имя бывшей ея кормилицы, и гдѣ она находится? — Ахъ! за чѣмъ мы уже не въ Кенигсбергѣ! — *(Понизя голосъ, со слезами.)* Не забудь также отыскать, ежели можно, мѣсто, гдѣ покоится прахъ несчастной ея матери. Пусть слеза любви оросить его!...

Старовоевъ.

Слушаю Ваше Высокоблагородіе! — Приказанія ваши для меня святы; — бѣгу ихъ выполнить. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Славоновъ.

Говорятъ: со временемъ всякая горесть проходитъ. — Но кто любилъ истинно, взаимно былъ любимъ, и наконецъ лишился драгоцѣннаго предмета,

составлявшаго единственное счастіе его жизни, — о! конечно тотъ скажетъ со мною: время! ты не возвратишь мнѣ блаженства ни когда! ни когда!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Славоновъ, Фрицъ.

Фрицъ, *не видя Славонова.*

Немилосердые! и вы можете называться человѣками!...

Славоновъ, *въ сторону.*

Этотъ молодой человѣкъ, кажется, очень огорченъ.

Фрицъ, *увидя Славонова, въ замѣшательствѣ, и дѣлаетъ ему робкій поклонъ.*

Извините меня, милостивый государь, я васъ здѣсь не примѣтилъ. — Позвольте спросить: конечно вы вербуете гусарскій полкъ?

Славоновъ.

Такъ точно. — Вѣрно желаешь опредѣлиться?

Фрицъ, *въ сторону.*

Батюшка!... Луиза!... (*Славонову трепещущимъ голосомъ.*) Желаю... Готовъ записаться.

Славоновъ.

Ты такъ робокъ, другъ мой! — Подойди ко мнѣ поближе. — (*Фрицъ подходитъ къ нему.*) Послушай! дурныхъ поступковъ надобно страшиться; но кто изъ состоянія свободнаго, позволяющаго располагать собою, кто готовится служить Государю, Отечеству, — въ исполненіи своего намѣренія ни минуты колебаться не долженъ. Что тутъ думать: по рукамъ, — да и въ гусары.

Фрицъ.

Какія условія при этомъ случаѣ? Сколько лѣтъ обязанъ буду служить? Какую при вступленіи получу плату?

Славоновъ, *качая головою.*

Молодой человѣкъ! молодой человѣкъ! долженъ бы лучше спросить: какими средствами могу пріобрѣсть любовь, уваженіе моихъ товарищей, и сдѣлаться достойнымъ вниманія начальства?

Фрицъ.

Ради Бога! не обижайте меня! — Ежелибъ-вы знали причины...

Славоновъ.

Ты долженъ будешь прослужить пять лѣтъ, ежели не пожелаешь долѣе. При вступленіи получишь 35 рублей, и все ка-

зенное. — Да что объ этомъ толковать: доброму гусару никогда ни въ чемъ недостатка не будетъ. А мундиръ гусарской! Это, братъ не бездѣлица! всѣхъ красотокъ плѣнишь собою!

Фрицъ.

Тридцать пять рублей!... Милостивый государь! не откажите мнѣ въ пяти стахъ.

Славоновъ, *въ сторону.*

Требованіе довольно странное!

Фрицъ, *бросясь къ ногамъ Славонова.*

Для добраго дѣла, не откажите! — Вы этимъ составите мое счастіе. Умоляю васъ, — клянусь! эта сумма мнѣ необходима; безъ того погибну.

Славоновъ, *подымая Фрица.*

Встань, молодой человѣкъ. (*Отошедъ отъ него въ сторону*). Истина, кажется, за него ручается; я могу сдѣлать его счастливымъ... Что тутъ колебаться. — (*Фрицу*). Для добраго дѣла ни когда отказывать не должно. (*Вынимаетъ изъ бумажника пакетъ денегъ и отдаетъ Фрицу*). Вотъ тебѣ пять сотъ рублей.

Фрицъ, *въ восторгѣ бросясь опять къ ногамъ его, цалуетъ его руки*).

Само Провидѣніе привело васъ въ эти

мѣста, и Оно лишь достойно наградить васъ можетъ.

Славоновъ, *подымаетъ его.*

Гдѣ видъ твой, дружокъ?

Фрицъ.

Даю честное слово: чрезъ полчаса явлюсь совсѣмъ на службу; а теперь запишусь.

Славоновъ, *вынимая изъ кармана бумагу, кладетъ ее на столъ.*

Подпиши на этомъ листѣ свое имя, такъ и дѣло кончено.

Фрицъ, *беретъ перо въ руки, и говоритъ въ сторону.*

Природа, ты торжествуешь! *(Пишетъ съ торопливостію; потомъ цалуетъ нѣсколько разъ руку у Славонова, и бѣжитъ. — Подписанную имъ бумагу Славоновъ кладетъ себѣ въ карманъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Славоновъ, *одинъ.*

О сколь радостно сдѣлать доброе дѣло! — Ежелибъ Старовоевъ доставилъ мнѣ свѣденіе о судьбѣ той, которая столько времени занимаетъ мои мысли и сердце; которая въ сиротствѣ, въ неизвѣстности, — можетъ быть и въ гибель-

номъ состояніи: тогда въ пріятномъ наслажденіи, что могу ее сдѣлать счастливою, былъ бы я совершенно спокоенъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Славоновъ, Штейнгерцъ.

Штейнгерцъ входитъ не въ тѣ двери, изъ которыхъ вышелъ Фрицъ.

Штейнгерцъ.

Много виноватъ предъ вами, милостивый государь! — Какъ быть, хлопотъ по уши! зарытъ бумагами въ кабинетѣ. — Вѣрите ли? нѣтъ даже времени дохнуть; безпрестанныя посѣщенія: то тотъ, то другой. *(Пожимая плечами)*. О каждомъ соболѣзнуешь и каждому желаешь помочь.

Славоновъ.

Вѣрю, вѣрю, Г. Штейнгерцъ.

Штейнгерцъ.

Не угодно ли теперь удостоить посѣщеніемъ и другую залу, гдѣ сытный обѣдъ васъ ожидаетъ.

Славоновъ.

Охотно; — пойдемъ. *(Штейнгерцъ дѣлаетъ много учтивостей Славонову при выходѣ изъ комнаты. — Оба уходятъ).*

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театрѣ представляетѣ ту же комнату. Полдень.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вальштейнъ, Фрицъ.

Фрицѣ ведетѣ его за руку.

Вальштейнъ.

Веди меня скорѣй, сынъ мой, къ почтенному человѣку, которому обязанъ спасеніемъ! Пусть приметъ чувства благодарности отъ семидесятилѣтняго старца!... Такъ! Признательность за благодѣяніе, благороднѣйшая черта человѣческаго сердца!

Фрицъ.

Скоро увидите его, батюшка! — Теперь вамъ нуженъ покой: забудьте, естьли можно, на всегда ваши горести! — Пусть вѣчные упреки преслѣдуютъ и отравляютъ всѣ минуты жизни жестокаго Штейнгерца! — Не знаю, естьли мщеніе довольно достаточное?...

Вальштейнъ.

Остановись, сынъ мой! — Мщеніе унижаетъ собственное достоинство. — Совѣсть, сей грозный судья, отъ котораго ни гдѣ укрыться не можно, рано или поздно жестоко наказываетъ порокъ! — Много претерпѣлъ я горестей въ жизни! Конечно, неисповѣдимыми судьбами небеснаго Провидѣнія такъ положено было, чтобы на западѣ дней моихъ, испытать мнѣ сіе последнее несчастіе! — Знай, для добродѣтельнаго человѣка и самая смерть не страшна! — Она преддверіе того блаженства, которое его ожидаетъ. (*Указывая на небо*). Тамъ, тамъ, — гдѣ могущественнѣйшій изъ Царей, и нищій покрытый рубищемъ, презрѣнный тѣми, которые недостойны носить имяни человѣка, получатъ безъ различія должное по дѣламъ ихъ воздаяніе! (*Обнимая Фрица*). Ты, единственная моя отрада, успокоиваешь мою старость; безъ тебя, сынъ мой, чтобъ было со мною?...

Фрицъ, *въ сторону*.

Боже! ежелибъ онъ зналъ!... (*Цалуетъ руки Вальштейну*). Батюшка! батюшка!...

Вальштейнъ, *со вздохомъ.*

А когда меня уже не будетъ, тогда ни мало не медля, ступай въ службу. — Стыдно, не простительно, дворянину жить въ праздности! — Онъ преимущественно предъ всѣми другими состояніями, обязанъ жертвовать собою для пользы Государства. Послѣдуй отцу своему, который нѣсколько лѣтъ служилъ Отечеству и всегда съ честію.

Фрицъ.

Счастливъ сынъ, который имѣетъ такого отца! — Батюшка! родительскія ваши наставленія никогда, никогда не изгладятся въ благодарномъ сердцѣ моемъ! — Но вы такъ ослабѣли; вамъ надобно отдохнуть; — сонъ подкрѣпитъ васъ. Войдите въ свою комнату. (*Ведетъ его. — Они встрѣчаются съ Луизой, которая выходитъ изъ дверей той комнаты, куда они шли*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и Луиза.

Луиза, *бѣжитъ и бросается на шею Вальштейну.*

Вальштейнъ!... Не обманываютъ ли

меня глаза мои? — Нѣтъ, это ты, точно ты, — почтенный мой другъ! — *(Обнимаетъ его)*. Конечно само небо тебя намъ возвращаетъ. *(Въ радости)*. Ахъ! какъ я рада, какъ опять счастлива!...

ВАЛЬШТЕЙНЪ.

Добрая дѣвушка! благодарю тебя, — благодарю за твое ко мнѣ усердіе. — Все знаю. — Всевышній за то тебя не оставитъ! *(Смотря сперва на Фрица и Луизу, говоритъ въ сторону)*. О! ежелибъ небо исполнило сердечное мое желаніе! ежелибъ могъ я успѣть соединить ихъ, — тогда бы спокойно заснулъ вѣчнымъ сномъ.

ЛУИЗА, *къ Вальштейну.*

Какъ будто чувствовала: я сама убрала вашу комнату; все готово къ принятію васъ. — Войдите, войдите. *(Луиза беретъ Вальштейна за одну руку, а Фрицъ за другую и ведутъ его; дошедъ до дверей, Луиза возвращается)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЛУИЗА *одна, обращаясь къ небу.*

Благодарю Тебя Создатель! Ты возвращаешь мнѣ блаженство! — *(Задумав-*

шись). Желала бы знать, кто этотъ добрый, честной человѣкъ, которому мы всѣ столько обязаны? — Можетъ быть.... Ахъ! какъ бы для меня было радостно! Можетъ быть это самъ батюшка. — Завтра день его рожденія.... *(По нѣкоторомъ молчаніи)*. Ежелибъ въ сей день благословилъ онъ меня и Фрица, и сказалъ: дѣти мои! съ этой минуты вы будете вѣчно неразлучны!... О тогда, тогда бы совершенно ничего не доставало къ моему блаженству! — *(Снимаетъ спрятанный на груди ея портретъ, повѣшенный на ленточкѣ, и говоритъ ему)*. Матушка! для чего нѣтъ тебя! Для чего тебя не знала! — Съ самой колыбели разлучена съ тобою; но безпрестанно представляешься ты моему воображенію. Въ единственную отраду остались мнѣ эти милыя черты лица твоего! — *(Цалуетъ портретъ)*. Нѣсколько разъ въ день цалую твой портретъ; орошаю его слезами, — и тогда, какое-то неизъяснимое чувство раждается въ душѣ моей!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛУИЗА и ШТЕЙНГЕРЦЪ.

ШТЕЙНГЕРЦЪ, *за кулисами.*
Луиза! Луиза!

ЛУИЗА, *съ торопливостію.*
Ахъ! Боже мой! это голосъ батюшки. Я здѣсь замѣшкалась; поспѣшу къ нему. *Въ торопливости оставляетъ портретъ на столѣ, и поспѣшно уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СЛАВОНОВЪ, *входитъ въ задумчивости.*
Старовоевъ еще не возвращается. — Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ безпокойствомъ его ожидаю. — (*Нѣсколько задумывается; потомъ вынимаетъ изъ кармана списокъ и разсматриваетъ его*). Странно, что молодой человѣкъ, завербованный мною, не явился; — я послалъ его искать. (*Читаетъ въ спискѣ*). Фридрихъ Вальштейнъ! — Долженъ быть не изъ низкаго рода. Уже ли онъ обманулъ меня? — Очень бы жаль было, не пяти сотъ рублей, которыми пожертвовалъ, но что могъ такъ ошибиться въ человѣкѣ. — Нѣтъ,

этого быть не можетъ. Казалось, причина скрытная и весьма важная побуждала его просить меня. Горесть написана была въ его глазахъ, благородство во всѣхъ его движеніяхъ; но къ несчастію наружность не рѣдко насъ обманываетъ. (*По нѣкоторомъ молчаніи*). Однако я забылъ, что сего дня почтовый день: мнѣ еще нужно писать. (*Смотритъ на столъ*). Кстати, здѣсь бумага и чернилы. (*Подходитъ къ столу, — видитъ портретъ; въ изумленіи его схватываетъ и идетъ съ нимъ на средину сцены*). Боже! что вижу? Не мечта ли это моего воображенія? — Юлія! милый, драгоцѣнный другъ! это черты твои! очаровательныя черты, которыя я нѣкогда въ дни радости самъ изобразилъ! — Такъ! я не ошибаюсь, это тотъ самый медальонъ.... О Юлія! Юлія!

Въ слезахъ цалуетъ портретъ. — Во продолженіи сего монолога входитъ Луиза, которую Славоновъ вовсе не примѣчаетъ. Она слушаетъ со вниманіемъ слова его; по тихоньку къ нему подходитъ, и чрезъ плечо, или руку его, смотритъ на портретъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Славоновъ и Луиза.

Луиза.

Цалуйте, сударь, цалуйте этотъ драгоцѣнный портретъ. — Матушка! матушка! — (*Славоновъ изумляется*). Развѣ вы ее знали?...

Славоновъ, *съ торопливостію*.

Что вы говорите, милая дѣвица? Это портретъ вашей матушки?... Повторите! повторите!...

Луиза.

Такъ точно, сударь, жены Штейнгерца.

Славоновъ.

Жены Штейнгерца!... (*Въ сторону*). Опять изчезла ты, прелестная мечта! — (*Задумавшись, по нѣкоторомъ молчаніи, говоритъ въ сторону*). Здѣсь должна быть какая нибудь тайна; постараюсь открыть ее. — (*Къ Луизѣ*). Могу ли видѣть вашего батюшку?

Луиза.

Онъ теперь занимается въ своемъ кабинетѣ.

Славоновъ.

Пойду къ нему. *(Хочетъ уйти, и уноситъ съ собою портретъ).*

Луиза, *удерживаетъ его и говоритъ ему съ безпокойствомъ.*

Ахъ! милостивый государь! отдайте мнѣ портретъ! — Боюсь, — батюшка на меня прогнѣвается...

Славоновъ.

Не опасайтесь, любезная дѣвушка! не опасайтесь ничего. *(Въ восторгѣ).* Готовъ все сдѣлать для васъ, хотя бы мнѣ это стоило самой жизни.

Луиза, *въ сторону.*

Онъ готовъ все сдѣлать для меня? — Рѣшусь, пожертвую своею стыдливостію. *(Славонову).* Милостивый государь!... Завтра день рожденія батюшки....

Славоновъ.

Очень радъ, что кстати здѣсь у васъ случился.

Луиза, *съ робостію.*

Одна несчастная дѣвушка... ожидаетъ при семъ случаѣ вашей помощи. Она истинную чувствуетъ привязанность къ достойнѣйшему изъ молодыхъ людей, тихому, скромному, добродѣтельнѣйшему, примѣрному изъ сыновей. Онъ дворянинъ

и живетъ здѣсь въ домѣ съ отцомъ своимъ. — Его зовутъ Фридрихъ Вальштейнъ....

Славоновъ, *въ сторону съ удивленіемъ.*

Фридрихъ Вальштейнъ!....

Луиза, *продолжаетъ.*

Эта дѣвица тогда лишь будетъ счастлива, когда будетъ съ нимъ соединена. Онъ взаимно ее любитъ, но бѣденъ, — и вотъ причина, что отецъ ея противится ихъ браку.

Славоновъ.

Кто эта дѣвица?

Луиза, *бросясь къ ногамъ его.*

Вы видѣте ее у ногъ вашихъ. (*Славоновъ ее подымаетъ*). Ахъ, сударь! ежели вы когда любили, можете чувствовать сколь горестно быть разлученну съ драгоцѣннымъ предметомъ. Пожалѣйте обо мнѣ; попросите за меня батюшку.

Славоновъ, *въ слезахъ, обнимаетъ ее.*

Успокойся, милая дѣвушка; успокойся. (*Въ сторону*). Не надобно терять времени, поспѣшу. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Луиза, *смотритъ на Славонова, пока онъ совсѣмъ удалится.*

Добрый Полковникъ! какъ онъ меня утѣшаетъ! — Ежели онъ таковъ съ солдатами своими, какъ со мною, то не удивляюсь, что въ сраженіи весь полкъ готовъ за него умереть.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Луиза и Фрицъ.

Фрицъ.

Ты здѣсь, Луиза?

Луиза.

Я сей часъ разговаривала съ нашимъ постояльцемъ, Гусарскимъ Полковникомъ. Какой онъ кажется честный человѣкъ! — Чѣмъ больше его узнаю, тѣмъ больше чувствую къ нему уваженія. — Онъ мнѣ сказалъ....

Фрицъ, *съ торопливостію.*

Что сказалъ онъ тебѣ?

Луиза, *съ удовольственною улыбкою.*

Много, много хорошаго! — Знаешь ли что?... Однако не хочу быть болтлива. — Ни когда ничего отъ тебя не скрывала; но на

сей разъ, любезный Фрицъ, ты меня простишь; буду хранить тайну, чтобы нечаянно тебя обрадовать.

Ф р и ц ъ.

Обрадовать? — Дай Боже!

Л у и з а.

Да! увѣряю тебя, ты будешь доволенъ, очень доволенъ.

Ф р и ц ъ, *въ сторону.*

Бѣдная! она видно еще ничего не знаетъ?

Л у и з а.

Что дѣлаетъ твой батюшка? Ты мнѣ ничего не скажешь.

Ф р и ц ъ.

Онъ спитъ; но кажется безпокойные сны его тревожатъ. Дыханіе его необыкновенно; стоны вырывались изъ груди его, и раздирали мое сердце!

Л у и з а.

Такъ! не правду ли я сей часъ говорила Господину Полковнику, что ты примѣрный изъ сыновей.... *(Спохватясь, въ сторону).* Но я начинаю болтать....

Ф р и ц ъ.

Что можетъ быть для насъ священнѣе отца и матери! *(Въ сторону).* Однако пора, давно пора мнѣ сдержать честное слово! *(Къ Луизѣ).* Послушай, милая Луиза! *(Въ*

торону). Какъ начать!... *(Къ Луизѣ).* Ежелибъ по какому нибудь нечаянному, неожиданному случаю, я должень былъ разстаться съ батюшкой... *(Съ умиленіемъ).* Обѣщаешь ли мнѣ, что займешь при немъ мое мѣсто? Обѣщаешь ли, что будешь его сберегать, успокоивать его старость?...

Луиза.

Что ты говоришь, Фрицъ? — Что можетъ разлучить насъ съ тѣми, для которыхъ мы живемъ? — За чѣмъ безъ всякой причины помышлять о томъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ,

Тѣже и Вальштейнъ.

Фрицъ и Луиза идутъ ему на встрѣчу, ведутъ за руку и сажаютъ въ кресла; а сами становятся по обѣимъ сторонамъ кресель.

Вальштейнъ.

Здравствуйте, милые дѣти! я опять съ вами. — Нѣсколько было заснулъ; но сонъ мой былъ самый безпокойный. *(Къ Фрицу).* Казалось, сынъ мой, тебя отнимали у меня, похищали мою единственную радость, мою подпору въ преклонныхъ дняхъ моихъ. Тщетно просилъ, умолялъ жестокихъ; они

не внимали моей горести, моимъ стенаніямъ, и я остался одинъ, одинъ въ природѣ, которую заглушалъ своими воплями. *(Обнимая Фрица)*. Слава Богу! ужасный сонъ миновалъ, и ты со мною, любезный Фрицъ, въ объятіяхъ отца!

Фрицъ.

Батюшка, батюшка! успокойтесь....

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣже и Рубакинъ, *на котораго Фрицъ смотритъ съ безпокойствомъ.*

Рубакинъ.

Тьфу пропасть! доберусь ли я толку? *(Увидя ихъ, обращается къ нимъ)*. Не знаете ли, господа, гдѣ мнѣ спросить Фридриха Вальштейна?

Луиза.

За чѣмъ тебѣ? Вотъ онъ самъ.

Указывая на Фрица.

Рубакинъ, *подошедъ къ Фрицу, говоритъ ему.*

Тебя-то и надо молодчикъ. — Эй товарищь, стыдно, право стыдно, такъ нѣжиться. Ступай-ка, братъ, проворнѣй въ капральство, вить теперь читаютъ артикулъ. *Фрицъ въ недоумѣніи; отецъ его въ безпокойствомъ смотритъ на Рубакина.*

Луиза.

Что это значитъ? Какая надобность въ артикулѣ?

Рубакинъ.

Вѣрю, сударыня, что вамъ нѣтъ надобности; а завербованному, кажется, первое дѣло знать артикулъ.

Луиза, *въ отчаяніи.*

Боже, онъ завербовался!

Вальштейнъ, *вставая.*

Жестокій сынъ! такъ вотъ какой цѣной искупилъ ты меня изъ темницы? — Лучшебъ я окончилъ тамъ горестные дни, нежели умереть отъ рукъ твоихъ... (*Слабымъ голосомъ*). Меркнутъ глаза мои, я ослабѣваю....

Луиза, *Фрицу.*

Вотъ плоды любви твоей! и ты меня въ оной увѣряешь! (*Вальштейну*). Вальштейнъ! почтенный другъ! приди въ себя, ежели не для радости, по крайней мѣрѣ изъ сожалѣнія къ намъ!

Вальштейнъ, *Фрицу.*

Сынъ, сынъ! ты знаешь, я не щадилъ ничего къ образованію тебя, въ лестной надеждѣ, что ты при вступленіи въ службу, на поприще тебѣ приличное, пользуясь правами, дарованными каждому дворянину, со-

дѣлаешься полезнымъ отечеству, открывъ и себѣ путь къ счастію; но ты забывъ всѣ нѣжныя мои о тебѣ попеченія, безразсудно жертвуешь собою, и въ какое время!— Нѣтъ! это не должно сбыться. — Кто далъ тебѣ власть располагать собою! Ты обязанъ мнѣ жизнію: она въ рукахъ моихъ! Пойду къ твоему начальнику. — Ежели въ душѣ его есть хотя искра состраданія, онъ уважитъ мою просьбу, уважитъ священныя права природы! (*Къ Рубакину*). Гдѣ онъ теперь?

РУБАКИНЪ.

Вѣрно при своей командѣ; а меня нарочно послалъ сыскать товарища.

Показывая на Фрица.

ВАЛЬШТЕЙНЪ, *поспѣшно идетъ; Фрицъ и Луиза идутъ за нимъ.*

Или возвратитъ онъ мнѣ сына, или умру у ногъ его! *Уходятъ всѣ трое.*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

РУБАКИНЪ.

Экая потѣха! Какъ я завербовался, не было столько хлопотъ. Ну, что тутъ дѣлать?... (*Пожимая плечами*). Пойду, доложу Его Высокоблагородію.

Идетъ и встрѣчается съ Славоно-

вымъ и Штейнгерцомъ. Подходитъ къ Славонову; но сей даетъ ему знакъ рукою удалиться, и онъ сдѣлавъ на право кругомъ, уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Славоновъ и Штейнгерцъ.

Штейнгерцъ.

Вы умѣли убѣдить меня, Милостивый Государь, и я готовъ открыть вамъ тайну, хотя твердо намѣренъ былъ отъ всѣхъ ее скрывать; но вы, кажется мнѣ, человѣкъ честный, вамъ можно довѣрить. — Надѣюсь, здѣсь насъ никто подслушивать не будетъ. *(Оглядывается на всѣ стороны).* Этотъ портретъ, который теперь въ рукахъ вашихъ, дѣйствительно портретъ матери Луизы; но Луиза.... не дочь моя....

Славоновъ, *съ нетерпѣливостію.*

Она не ваша дочь, говорите вы! Кто же?...

Штейнгерцъ.

Родители ея были значущіе люди; но она, дитя несчастія! Нищета и горесть встрѣтили ее при самомъ рожденіи. Не умѣвъ еще выговорить имяни матери, она лишилась ее....

Славоновъ.

Ради Бога, удовлетворите скорѣй мо-

ему любопытству, скажите: кто была ея мать?

Мтейнгерцъ.

Молодая и добрая женщина, несчастная Графиня Д'Ольбанъ.

Славоновъ.

Графиня Д'Ольбань! Благодарю Тебя небесное Провидѣніе! Ты привело меня въ эти мѣста, что бы исполнить священную клятву, — клятву, которая долгое время тяжело лежала на моемъ сердцѣ. (*Къ Штейнгерцу*). И это вѣрно, что Луиза дочь Графини Д'Ольбанъ?

Штейнгерцъ.

Такъ вѣрно, какъ не оспоримо, что я Готлибъ Адамъ Штейнгерцъ. Но позвольте васъ спросить, Милостивый Государь, отъ чего принимаете вы такое участіе въ судьбѣ ея?

Славоновъ.

Вы все узнаете. Теперь не откажите мнѣ принять на себя имя отца Луизы, и обязанность имѣть родительскія о ней попеченія.

Штейнгерцъ.

Не такъ скоро, Милостивый Государь! На это нужны нѣкоторыя объясненія. — Долженъ вамъ сказать, что покойница жена моя была кормилицей Луизы; она не могла смотрѣть равнодушно на бѣднаго

младенца, лишеннаго матери, оставшагося въ нищетѣ и безъ всякой подпоры: взяла къ себѣ Луизу вмѣсто дочери. Это было въ Кенигсбергѣ; я тогда былъ ни что иное, какъ простой мѣщанинъ.

Славоновъ.

Какъ же вы очутились здѣсь?

Штейнгерцъ.

Вы знаете, сударь, что труды и врожденныя способности доводятъ до высочайшихъ степеней! Къ возвышенію себя употреблялъ я средства обыкновенныя: низко кланялся тѣмъ, въ которыхъ имѣлъ надобность, льстилъ имъ во всякомъ случаѣ; нещадилъ ни чего чтобы угодить имъ; а когда было нужно, то поносилъ передъ ними и честь достойныхъ людей. Да что вамъ говорить, вы сами человѣкъ свѣтской: эта наука должна быть вамъ не менѣе моего извѣстна.

Славоновъ.

Благодарю васъ, за ваше доброе мнѣніе, господинъ Штейнгерцъ; но вы ошибаетесь, по этой части я очень не свѣдущь.

Штейнгерцъ.

Тѣмъ хуже для васъ, Милостивый Государь, тѣмъ хуже для васъ! я говорилъ... Что бишь я говорилъ?

Славоновъ.

Что вы были Кенигсбергскимъ мѣщаниномъ.

Штейнгерцъ.

Да, такъ точно. — Скоро послѣ принятія къ себѣ Луизы, жена моя умерла. Я мало по малу скопляя милыя денешки въ крѣпкомъ сундукѣ, умѣвъ пользоваться нѣкоторыми выгодами тамъ, сямъ, пустился наконецъ въ торговлю, и такъ успѣлъ, что, благодаря Бога, достигъ... (*Важнымъ голосомъ*) высокаго достоинства богатаго купца. — Года три, какъ я по разсчетамъ своимъ переселился сюда, гдѣ домъ мой сдѣлался пристанищемъ для всѣхъ ко мнѣ прибѣгающимъ.

Славоновъ.

Но скажите мнѣ: не избрала ли уже Луиза себѣ жениха?

Штейнгерцъ.

Да какъ осмѣлилась бы она то сдѣлать? Это право предоставлено мнѣ. Она твердо увѣрена, что я ея отецъ и слѣпо повинуется моимъ повелѣніямъ. — Много молодчиковъ съ пустымъ кошелькомъ увивалось около ее; но я ихъ всѣхъ спровадилъ добрымъ порядкомъ. — Представьте себѣ, Милостивый Государь, до

какой степени люди заблуждаются: осмѣлился было въ нее влюбиться и сынъ живущаго у меня въ домѣ бѣднаго дворянина Вальштейна! — Я выйдя изъ терпѣнія, что этотъ старикъ не платитъ мнѣ долгу, упряталъ было его въ теплое мѣстечко...

Славоновъ.

Какъ, господинъ Штейнгерцъ!...

Штейнгерцъ.

Да, въ тюрьму. — Долго бы онъ тамъ сидѣлъ, ежелибъ сынъ его гдѣ-то не досталъ пяти сотъ рублей. Какой простакъ далъ ему эти деньги взаймы? Вѣрно никогда ихъ ему болѣе не видать, какъ ушей своихъ.

Славоновъ, *въ сторону.*

Достойный молодой человѣкъ! (*Къ Штейнгерцу*). Естьлибъ я сыскалъ для Луизы жениха, у котораго было бы тысяча душъ крестьянъ, согласились ли бы вы....

Штейнгерцъ, *поспѣшно.*

И я могъ бы исправлять должность управителя?...

Славоновъ.

Ежелибъ это не было для васъ обременительно.

Штейнгерцъ.

И отъ меня не требовали бы отчета въ доходахъ?

Славоновъ.

Надѣюсь и на то согласятся, лишь бы только вы по человѣчески обращались съ крестьянами.

Штейнгерцъ.

Подавайте мнѣ скорѣй, Милостивый Государь, этого достойнаго жениха!... Гдѣ онъ? Кто онъ таковъ?

Славоновъ.

Фридрихъ Вальштейнъ! — Зная любовь его къ Луизѣ и взаимную ея привязанность; удостовѣренъ будучи въ благородствѣ этого молодаго человѣка, который изъ сыновней любви, для спасенія отца, пожертвовалъ собою завербовавшись въ мой полкъ....

Штейнгерцъ.

Что слышу!...

Славоновъ.

Я дарю ему тысячу душъ, съ тѣмъ чтобы Луиза, милая Луиза! которая отъ нынѣ будетъ моею дочерью, моею единственною наслѣдницею, была его женою.

Штейнгерцъ.

Почтенный Полковникъ! готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно, и сей же часъ... Но вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣже, Вальштейнъ, Луиза, Фрицъ.

Вальштейнъ, *къ Луизѣ и Фрицу.*

Онъ такъ великодушенъ! — Уже ли не тронется моею старостію, моими слезами?...

Славоновъ, *примѣтивъ ихъ, говоритъ Штейнгерцу.*

Этотъ почтенный старикъ?...

Штейнгерцъ.

Самъ Вальштейнъ. (*Славоновъ идетъ къ нимъ на встрѣчу*).

Луиза, *предупредивъ Славонова, бѣжитъ и бросается къ ногамъ его. — Славоновъ ее подымаетъ. — Вальштейнъ и Фрицъ останавливаются и стоятъ въ глубокой задумчивости.*

Добрый господинъ Полковникъ! вы обѣщали все сдѣлать для меня; прошу васъ, умоляю каждымъ біеніемъ вашего сердца, возвратите горестному отцу — (*Указывая на Вальштейна*) сына; (*показавъ на Фрица*) единственную его подпору! Возвратите мнѣ того, въ которомъ полагаю все свое блаженство!

Славоновъ.

Я обѣщалъ, и сдержу слово. — Милая

Луиза! обними меня! — Съ сей минуты найдешь во мнѣ отца! — Какъ нѣжнѣйшій родитель буду помышлять лишь о твоемъ счастіи. (*Луиза, Вальштейнъ и Фрицъ показываютъ знаки удивленія, смѣшаннаго съ радостію*).

Луиза.

Боже! что это все значитъ?... Какое не ожиданное благополучіе!...

Славоновъ, *показывая на портретъ, который въ его рукахъ*.

Это портретъ твоей матери, Графини Д'Ольбанъ. Нѣкогда я надѣялся быть супругомъ этой прелестной женщины; судьбѣ угодно было расположить иначе!... Другой обладалъ ею; другой..., (*Со вздохомъ*). который не умѣлъ цѣнить ея достоинствъ. Удалимъ воспоминаніе несчастныхъ произшествій, которыя ты скоро узнаешь. Я поклялся предъ небомъ отыскать единственный плодъ супружества ея; — нашелъ тебя въ этихъ мѣстахъ, и исполняю свою клятву. (*Обнимаетъ опять ее. — Къ Вальштейну*). Почтенный Вальштейнъ! твой сынъ свободенъ! — Достойно вознагражу любовь и великодушный его поступокъ. — Фрицъ! Луиза! судьба ваша рѣшена: вы на вѣки

неразлучны! — Обнимите меня, дѣти мои! юда, сюда, ближе къ моему сердцу. (*Фрицъ и Луиза летятъ въ объятія Славонова; потомъ обнимаютъ другъ друга и Вальштейна, которому Славоновъ говоритъ*). Вы вѣрно не будете противиться ихъ счастію; — въ нихъ найдете послушныхъ дѣтей; во мнѣ истиннаго друга! Я обезпечиваю судьбу вашего сына. Ни онъ, ни вы не будете болѣе терпѣть ни въ чемъ недостатка....

Вальштейнъ, *обнимая Славонова.*

Милостивый Государь! вы возвращаете мнѣ жизнь! — Во всей силѣ даете чувствовать благость Создателя! (*Указывая на небо*). Онъ одинъ можетъ достойно вознаградить васъ за оказанное мнѣ благодѣяніе, которое....

Славоновъ.

Не говорите о благодѣяніи. Сдѣлавъ его, я самъ себѣ доставилъ пріятнѣйшее наслажденіе.

(*Въ это время Штейнгерцъ потихоньку разговариваетъ съ Луизой, обнимаетъ ее и она его взаимно. Также цалуетъ онъ Фрица*).

Штейнгерцъ.

Милая Луиза! ты, надѣюсь, не будешь сердиться на меня, что такъ долго скрывалъ....

Луиза.

Ваши обо мнѣ попеченія останутся на всегда не изгладимы въ благодарномъ моемъ сердцѣ.

Штейнгерцъ, *по тихоньку подходитъ къ Вальштейну и говоритъ ему.*

Господинъ Вальштейнъ! Господинъ Вальштейнъ! не смѣю и смотрѣть на васъ! — Чувствую, злой духъ меня попуталъ; знаю, сколько виноватъ передъ тобой, дорогой мой зятюшка, и сердечно раскаиваюсь.

Вальштейнъ.

Отецъ, видя сына своего счастливымъ, забываетъ всѣ горести. Раскаяніе твое, Штейнгерцъ, надѣюсь, чистосердечно, такъ нѣчего и вспоминать о прошедшемъ; — съ удовольствіемъ прощаю тебя.

Штейнгерцъ, *обнимая его.*

Уфъ! какъ гора съ плечь свалилась! — Для сегоднишняго радостнаго дня, цѣлой

годъ буду со всѣхъ должниковъ брать процентовъ не болѣе, какъ по 25 на сто.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже и Старовоевъ.

Старовоевъ, *Славонову.*

Ваше Высокоблагородіе! я хоть и безъ успѣха проходилъ, — чего со мной еще никогда не бывало; но пришолъ, кажется, на радость. Молва разнеслась уже по городу....

Славоновъ.

Такъ, мой другъ! свершилось на послѣдокъ сердечное мое желаніе! — (*Указывая на Луизу*). Вотъ та, которая отъ нынѣ будетъ моею дочерью. — (*Показываетъ на Фрица*). А этотъ молодой человѣкъ, по истиннѣ достойный, будетъ ея супругомъ.

Старовоевъ, *въ восторгѣ.*

Слава Богу! Ваше Высокоблагородіе, слава Богу! — Я теперь такъ радъ, такъ радъ, какъ будто бы мы взяли осажденную крѣпость, не проливъ ни капли крови.

Славоновъ, *Фрицу и Луизѣ.*

Милые дѣти! я поспѣшу вашею свадьбою; потомъ отправлюсь туда, куда мой долгъ и честь зовутъ меня. Надѣюсь скоро возвратиться опять въ эти мѣста; — и тогда всѣ будемъ уже неразлучны! (*Соединя руки Фрица и Луизы*). Будьте счастливы, будьте счастливы, дѣти мои! Любите всегда другъ друга! — Ежели человѣкъ, гонимый судьбою, прибѣгнетъ къ вамъ, не откажите подать ему руку помощи. Не забудьте, изъ собственнаго своего примѣра, сколь сладостно помогать несчастнымъ!

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Nov.-Dec. 1988
We're Quality Bound

